

А. Д. Васильев А. D. Vasiliev
Красноярск, Россия Krasnoyarsk, Russia

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ
ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КРАСНОЯРЦЕВ**

Аннотация. Приводится анализ результатов ассоциативного эксперимента, в котором в качестве стимулов использованы прецедентные фамилии отечественных политиков. Для эксперимента использовались фамилии политиков далекого прошлого (Ленин, Сталин) и недавнего периода. Рассматривается специфика собственных имен, указывается на промежуточное положение между собственными и нарицательными прецедентных собственных имен. Все реакции (с определенной долей условности) разделены на содержащие положительную, отрицательную оценку и нейтральные. Отмечается влияние на языковое сознание традиционных штампов советской пропаганды и оценок, транслируемых нынешними СМИ, а также знаний о местных реалиях, например о памятниках родного города.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; имена собственные; Горбачев; Ленин; Сталин.

Сведения об авторе: Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания.

Место работы: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.

Контактная информация: 660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
e-mail: vasileva@kspu.ru; rlc_siberia@kspu.ru.

**PRECEDENT PROPER NAMES
IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
OF KRASNOYARSK INHABITANTS**

Abstract. The article is dedicated to the results of associative experiment in which the precedent family names of home politics were used as stimuli. Family names of the famous politicians of the distant past (Lenin, Stalin) and recent period were chosen for the experiment. Specificity of proper names is studied, the position of precedent names between proper names and common nouns is underlined. All the answers (with certain degree of relativity) are divided into positive, negative and neutral. The influence on the linguistic consciousness of traditional clichés of the Soviet propaganda, which are repeated by the contemporary mass media, as well as the knowledge of the local realia, such as monuments of the city is noted.

Key words: proper names; Gorbachov; Lenin; Stalin.

About the author: Vasiliev Aleksander Dmitrievich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General Linguistics.

Place of employment: Krasnoyarsk State Pedagogical University n. a. V. P. Astafiev.

Хорошо известно определенное своеобразие, отличающее от имен нарицательных имена собственные. Номинативная функция выполняется последними очевидно в несколько иной форме, нежели первыми. Это относится к единицам антропонимиконв многих языков, в том числе и русского: «Имена собственные, как и местоимения, в отличие от имен нарицательных, <...> называют предметы, различные по их предметной отнесенности. Например, имя *Маша* может стать именем любого человека женского пола; именно этот смысл является его лексическим значением, но закрепляется оно за определенным человеком» [Кодохов 2012: 162] (заметим, что сравнение с местоимениями, данное здесь, далеко не случайно: лишь в определенных коммуникативных ситуациях местоимение, указывающее на конкретный денотат, способно почти называть его; ср.: «Ты чуть вошел, я вмиг узнала, / Вся

обомлела, запылала / И в мыслях молвила: вот он!» [Пушкин 1978: 61]). Интересны и следующие определения: «**собственное имя** <...> — слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [Подольская 1990: 473]; «**существительные собственные** — сущ., которые представляют собой индивидуальное именование объекта с целью его вычленения из класса однородных объектов. <...> С. с. Не способны выражать обобщенное понятие, они называют конкретный предмет (включая лицо), известный участникам речевой ситуации...» [Панова 2010: 67], а также хрестоматийное: «**имя собственное** <...> — слово или словосочетание, специфическим назначением которого является обозначение индивидуальных предметов безотносительно к их признакам, т. е. без

установления соответствия между свойствами обозначаемого предмета и тем значением (или значениями), которое имеет (или имело) данное слово или словосочетание» [Ахманова 1966: 175].

Таким образом, например, фамилия сообщает о своем носителе информацию, как правило, ничтожно малую (за исключением, может быть, сведений об аристократических корнях или по каким-то иным причинам известных родственниках), а порой и совсем нулевую. Правда, иногда фамилия позволяет узнать половую принадлежность ее владельца, но и это возможно не во всех случаях, даже в рамках русского антропонимикона.

Несомненно, иногда бывает, что «даже в антропонимах (фамилиях) она (т. е. внутренняя форма. — А. В.) не остается полностью нейтральной. Конечно, фамилия Волков не вызывает волчьих ассоциаций, но в жизни имена с живой внутренней формой подчас используются для разного рода стилистических целей» [Комлев 2003: 38] (например, приводимые здесь же «говорящие фамилии» литературных персонажей вроде *Яичница, Молчалин, Очумелов* и проч.).

Однако, наверное, еще более важно то очевидное обстоятельство, что многие фамилии вполне способны обретать статус символических — ср. хотя бы некоторые отечественные примеры: *Суворов, Ломоносов, Пушкин, Толстой* и др. Поэтому они закономерно являются прецедентными. А ведь «вербальные или вербализуемые прецедентные феномены в наибольшей степени „концентрируют“ в себе культурно значимую информацию и служат для ее актуализации в коммуникативном взаимодействии» [Гудков 2004: 24]. Иначе говоря, «прецедентные имена — это важная часть национальной культуры и языковой картины мира, яркий показатель специфики народного самосознания, рефлексии нации по поводу собственной истории и культуры» [Нахимова 2013: 48]. Закономерно, что среди прецедентных имен нередко оказываются фамилии политиков — как прошлого, так и настоящего.

Поэтому в числе стимулов, данных в рамках свободного ассоциативного эксперимента, респондентам были предложены следующие фамилии: Горбачев, Ленин, Сталин, Хрущев.

Всего на фамилию *Горбачев* как стимул получено 72 реакции. Они оказались довольно разнообразными, но при этом могут быть дифференцированы и сгруппированы по ряду критериев, которые выделяются прежде всего на основании более или менее четко эксплицированных в ответах респондентов коннотативных признаков. Послед-

ние, будучи представленными в довольно широком диапазоне, подразделяются на нейтральные, положительные и отрицательные. Конечно, нельзя не признавать определенной условности этой градации (иногда оценки высказываются совершенно недвусмысленно, иногда же их можно квалифицировать через коннотативные характеристики вербальных реакций — правда, и в таком случае, из-за жестких условий ограниченности реакции всего одним словом, остается лишь предполагать, как оценивает респондент тот или иной социально-исторический факт, в первую очередь по причине некоего индивидуально детерминированного восприятия. Разумеется, это в известной степени противоречит канонической априорной безоценочности термина. Но понятно, что в ряде случаев коннотативный ореол почти неизбежен — ср.: *диктатура пролетариата, рабовладельческий строй, империализм, фашизм, тоталитаризм, либерализм* и мн. др.).

Количество реакций, которые мы относим к числу нейтральных, составляет 13 единиц. Среди них назовем прежде всего те, которые адекватно отражают прежний иерархический статус М. С. Горбачева и его сегодняшнее положение: *первый президент* (1), *президент* (5), *руководитель* (1), *гос.* (так! — А. В.) *деятель* (1), *деятель* (1), *бывший президент* (1), *политик* (2). Следует отметить, что некоторые ответы оказались весьма лапидарными, например: *Михаил* (5), *Миша* (1), *Мишаня* (1) — два последних примера в оценочном отношении являются амбивалентными, поскольку вряд ли возможно установить со всей определенностью, какая именно оценка воплощается в данных диминутивных формах — мелиоративная или же пейоративная, и отражают ли эти формы глубокую симпатию к именуемой так персоне, либо, напротив, символизируют ее неприятие как субъекта, ни в коей мере недостойного высшего государственного поста. Любопытен также ответ *человек* (1).

Немного меньше отрицательно-оценочных реакций. Они включают в себя характеристики денотата, представленные в широком диапазоне: от черт внешнего облика номинируемого до упоминания доминант и результатов его деятельности. К первой подгруппе можно отнести следующие реакции: *родинка* (2), *меченый* (1), *плешивый* (1), *болтун* (1), *старый* (1), *старик* (1); ко второй — *разрушитель* (1), *сусанин* (1; именно так, со строчной буквы: по-видимому, это афористически краткая дефиниция непрестанной аморфности внешне часто менявшегося курса движения, навязанного стране, и его плачевного итога, *продажность* (1),

г... (1) и ... (1; последний ответ нельзя привести вследствие его явной непечатности). По-видимому, в это число допустимо внести и именованная *горб* (1) и *дура* (1).

Есть и прямые реакции, которые можно отнести к ряду положительно-оценочных. Их сравнительно немного: *молодец* (1) и, может быть, *лёгкий* (1).

Среди полученных ответов присутствуют также носящие выраженный ассоциативный характер. Иногда эти ассоциации являются довольно прозрачными, будучи очевидно индуцированными информацией о тех феноменах общественно-политической жизни, с которыми прочно связывается фамилия *Горбачев*, иногда — как бы периферийными, поскольку опосредованы упоминаниями исторических личностей, по каким-то параметрам сопоставимых с номинацией стимула. К первому ряду принадлежат *СССР* (5), *перестройка* (6; также, вероятно, *престройка* (1), хотя и непонятно, допущена ли здесь орфографическая ошибка, или же это преднамеренное искажение правописного облика слова), *разруха* (1), *развал* (3), *история* (1). Ко второму — *Ельцин* (4; также *Борис* (1)), *Ленин* (3), *Хрущев* (1), *Раиса* (1; имя супруги М. С. Горбачева).

По-видимому, не проясняемыми окончательно с точки зрения коннотативных свойств остаются ответы *кто* (1), *вопрос* (1).

И, пожалуй, самым неожиданным оказался ответ *умер* (2): то ли это фигуральное обозначение финала политической карьеры денотата, то ли следствие отсутствия информации о его благополучно продолжающемся жизненном пути.

Небезынтересно также и отсутствие какой бы то ни было реакции на стимул *Горбачев* в анкетах двух респондентов.

Общее число реакций, полученных на фамилию-стимул *Ленин*, составляет 65. Следует сказать, что при анализе ответов респондентов неизбежно приходится учитывать различие индивидуальных отношений к некоторым социально-историческим событиям: ведь, например, для кого-то *Великая Октябрьская социалистическая революция* — факт в высшей степени позитивный, открывший новую эпоху в жизни человечества, а с иных позиций *октябрьский переворот* — исходный момент катастрофических бедствий, постигших Россию. Естественно, то же справедливо и в аспекте восприятия ролей политических деятелей.

К числу положительных оценок (здесь нельзя, конечно, совершенно исключать влияние пропагандистских стереотипов — впрочем, как и в формировании негативных оценок) можно отнести также: *вождь* (9), *ре-*

волюция (4), *красный* (2), *партия* (2), *октябрь* (2), *коммунизм* (1; как уже было сказано, последние три ответа можно воспринимать и амбивалентно).

В реакциях, которые трактуются нами как нейтральные, присутствуют имена собственные — топонимы и микротопонимы: *Москва* (1), *Мавзолей* (1), а также *мавзолей* (4), *в мавзолее* (1), *красная площадь* (1), *памятник* (5; возможно, имеется в виду памятник В. И. Ленину, поставленный в 1970 г. в центре г. Красноярска на площади Революции), *СибГТУ* (вероятно, подразумевается статуя В. И. Ленина на фасаде главного корпуса Сибирского технологического университета в г. Красноярске). Сюда же можно отнести следующие ответы: *Ульянов* (4), *Ильич* (2), *Владимир* (1). Затруднительным представляется определение оценки, предположительно заключенной в ответе *Сталин* (5): то ли это обозначение преемника денотата, то ли сопоставление (и противопоставление) двух крупных исторических фигур.

Сугубо отрицательных реакций сравнительно немного: *ужас* (1), однако есть и коннотативно примыкающие к этому ответу, авторы которых исходят в основном из внешних характеристик персонажа: *лысына* (2), *гриб* (1), *моргающий* (1), *брови* (1; по-видимому, в последнем случае допущено ошибочное соотнесение с другим известным персонажем, и тоже *Ильичом*, — Л. И. Брежневым). Реакция *шев* (1), вероятно, принадлежит к числу (полу)ироничных, а реакция *лень* (1), возможно, порождена созвучием с фамилией денотата.

Следует считать небезынтересными ответы, в известной степени антонимичные, ср.: *умер* (2), *был* (1), с одной стороны, и *жив* (1), *всегда живой* (1), *живее всех живых* (1) — с другой. Если реакции первой микрогруппы можно считать рационалистически верными констатациями, то реакции второй допустимо рассматривать и как рудименты советских пропагандистских лозунгов, и как экспликации ироничного отношения к последним. Последнее гипотетически приложимо и к ответу *красавчик* (1).

Ответ *детство* (1), вероятно, адресует к определенному периоду жизни респондента, а ответ *ох не знаю* (1) очевидно не нуждается в комментариях.

В двух анкетах данный стимул не получил вообще никакой реакции.

Говоря об общей тональности реакций на стимул *Сталин* (всего — 62), следует прежде всего сказать, что совершенно очевидно ведущее место отрицательно-оценочных ответов.

Они представлены таким образом: *репрессия* (2), *репрессии* (1), *казнь* (1), *враг* (1), *дик-*

татор (1), *грозный* (1), *лагерь* (1; очевидно имеется в виду место лишения свободы), *поддон* (1), *деспот* (1), *зло* (1), *самрап* (1), *дура* (1), *ГУЛАГ* (1). На ряде примеров можно наглядно наблюдать возникновение коннотативных оттенков у слов, которые ранее были терминологически-нейтральными, вроде *репрессия*, по-видимому, прочно связанными в некоем фрагменте общественного сознания с именем И. В. Сталина (ср. устоявшийся, несмотря на явный — «упрямый» — фактологический диссонанс, пропагандистский стереотип **незаконные политические репрессии**).

Среди реакций, которые можно отнести (хотя и с теми или иными оговорками и допущениями) к разряду положительных, присутствуют следующие: *вождь* (12), *отец народов* (2), *предводитель* (1), *революция* (1), *власть народа* (1), *коммунизм* (1), *великий* (1). Впрочем, понятно, что такие вербальные артефакты, как *революция* и *коммунизм* (а точнее, именуемые ими феномены), способны, как и многие подобные им социально-политические термины, вызывать полярно противоположные мнения. Ответ же *отец народов* воскрешает в памяти советский идеологический штамп, который при желании вполне может быть употреблен для выражения отстраненно-иронического отношения к объекту номинации.

В число нейтральных ответов входят: *власть* (2), *история* (2), *руководитель* (1); сюда же можно отнести личное имя денотата *Иосиф* (1), а также его партийную кличку-псевдоним *Коба* (1) — также *кобо* (1). Среди реакций, представленных именами собственными, оказались: *Ленин* (6; вероятно, как упоминание исторического предшественника), *Хрущев* (1; возможно, лишь именование удачливого наследника высшей власти, а может быть, и в значении воплощенной антитезы антропониму-стимулу). К этой группе ассоциативно близки ответы *СССР* (1), *Грузии* (1), а также *ВОВ* (1; распространившаяся, особенно активно в последние годы, аббревиатура устойчивого словосочетания «Великая Отечественная война»; как и всякая другая аббревиатура, она, — по крайней мере, частично, — маскирующе скрывает суть обозначаемого явления, а попутно и принижает его историческую роль).

Далее назовем реакции, описывающие внешность денотата либо его известные привычки: *усы* (2), *усики* (1), *трубка* (1).

Наконец, немногочисленные реакции, упоминающие о состоявшемся конце земного существования именуемого, тоже могут

быть дифференцированы по оценке выражаемого ими факта, ср.: *мёртв* (1) и *сдох* (1).

На основании вышеприведенного анализа представляется возможным сделать некоторые предварительные выводы.

Прецедентные имена собственные (в данном случае — фамилии известных государственных деятелей прошлого, как далекого, так и относительно недавнего) занимают определенную нишу в языковой картине мира жителей г. Красноярска — коренных носителей русского языка. При этом вызываемые ими ассоциации не являются нивелированными, но довольно разнообразны, более или менее индивидуально окрашены, а в ряде случаев и сугубо эмоциональны. Кроме того, не представляется окончательно допустимым дифференцировать прочные внутренние убеждения респондентов и плоды настойчивого воздействия на их сознание пропагандистских стереотипов, навязываемых прежде всего через каналы средств массовой информации. Тем не менее изыскания в данном направлении приносят очевидные результаты, поскольку позволяют получить документированные сведения не только собственно социолингвистического характера, но и заметно более широкого диапазона. Они оказываются значимыми как в дальнейшем познании общерусской языковой картины мира, так и в диагностировании возможной специфики ее регионального варианта. Поэтому подобные исследования несомненно актуальны и перспективны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. — М., 1996.
2. *Гудков Д. Б.* Проблема изучения и описания русского культурного пространства // *Языковое бытие человека и этноса.* — Барнаул, 2004. Вып. 8. С. 22—31.
3. *Кодухов В. И.* Введение в языковедение. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2012.
4. *Комлев Н. Г.* Слово в речи. Денотативные аспекты. Изд. 2-е, стер. — М., 2003.
5. *Нахимов Е. А.* Использование корпусной методологии при сопоставительном изучении прецедентных имен // *Политическая лингвистика.* 2013. № 3 (45). С. 48—56.
6. *Панова Г. И.* Морфология русского языка : энцикл. словарь-справочник. — М., 2010.
7. *Подольская Н. В.* Собственное имя // *Лингвистический энциклопедический словарь.* — М., 1990. С. 473—474.
8. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин // *Полн. собр. соч.* — Л., 1978. Т. 5. С. 8—184.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.